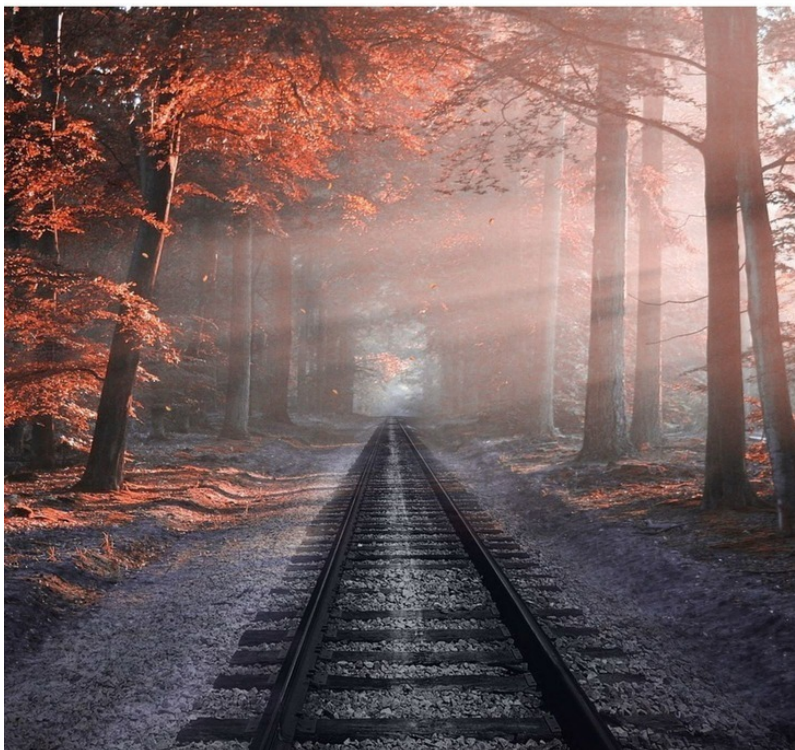

ЛИНА КИРИЛЛОВЫХ

Вне расписания

Лина Кирилловых

Вне расписания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42388971

ISBN 9785449668691

Аннотация

За деревней и богатым поместьем, за зелёными лугами и лесом, за обыденным, привычным и незыблемым находится чужое для мира – железный путь явления.

Вне расписания

Лина Кирилловых

© Лина Кирилловых, 2019

ISBN 978-5-4496-6869-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жар выжег серебристую росу, прокатившись по траве языком, размазался и пропал – растворился, уйдя в прохладу утреннего воздуха, но не для чуткого носа собак. «Лапка», – обратился Степан ласково. Борзая, тонконогая умница в подпалинах на кучерявой светлой шерсти, дрожала. Немолодая уже, с поседевшими ресницами, она прекрасно знала, что такое заяц, лиса, куропатка и волк. Иное, не звериное дыхание, ядовитый запах не плоти, но чужеродной плотности, которую не ухватишь зубами, не заставишь, погнавшись, свернуть и прийти под выстрел меткого ружья охотника – дух горы, передвигающейся стремительным валом, дух страшного грохота, лязга и силы огня вызывал в стучащем сердце ужас. «Лапка», – жёсткая и тёплая рука хозяина погладила. Рассвет окрасил зубчики леса в розовый. Утренний набат явления был привычным, и Степан его не боялся. Явление не причиняло зла ни собакам, ни людям. Просто не на-

до было, никогда не надо было передвигаться по чужому пути.

Случалось, конечно, что охотник находил неудачливых жертв. Олень, молодой ещё, глупый, кормившийся рядом и испуганный звуками явления, бросался прочь, пересекая путь, и не успевал. Разбившиеся свиристели лежали, раскинув окостеневшие крылья. Жёлтые бабочки оставались на листьях, как хлопья странного, ошибшегося месяцем снега – и в тот давний июль дурачок Фома, родившийся весь целиком в пузыре и потому блаженный, пытался, видно, поиграть с явлением так же, как играл с телятами, которых пас, но погиб. Столбы ограды не защищали – покосились, попадали, и одряхлевшая рыжая сеть вросла в землю, скрывшись в траве, как и утрамбованный камень, который поддерживал путь. «Лапка, трусишка, брось: оно ушло».

Степан, осторожно шагая, пересёк блестящие ленты. Лапка жалась к ногам, но на той стороне успокоилась. Первый солнечный луч чиркнул по бледному небу. Наливаясь, как спелая ягода, солнце выкатывалось, чтобы принести новый день, и лесные птицы, почувствовав это, встряхнулись и загомонили. Изнанка чащи дохнула на Степана сыростью. Ступая по хвое и прошлогодним листьям, охотник пробрался сквозь папоротник и обошёл бурелом, спускаясь по откосу к ручью. Степан увидел на влажной земле треугольные следы копытца косули и добродушно хмыкнул в бороду: он за ней не гнался. Лапка понюхала корни, выступающие

из песка, фыркнула на прибитую к берегу пену, наострила уши и гавкнула. Послышалось ржание, а затем – хруст веток, и из ельника напротив выехал всадник. Каурый конь, склонив породистую голову, потянулся к бегущей воде. Степан цыкнул на Лапку и, сняв картуз, поклонился.

– Утречка, барин.

Молодой граф Межецкий кивнул.

Конь пил, лениво взмахивая длинным хвостом. Граф, опустив поводья, осматривался. Сощутив глаза от солнца, пробившегося сквозь кроны деревьев, Межецкий оглядел Степана, Лапку и, повернув голову к откосу, попытался различить лежащий наверху его путь.

– Отсюда не заметно. Но ты, верно, шёл через него. Я встаю рано, – утренние прогулки полезны – но так и не смог пока увидеть явление. Смешно, но я пообещал приятелям в корпусе, что осенью, когда вернусь на службу, расскажу, что оно такое есть и зачем. Говорят, – граф снова взглянул на Лапку, – собаки боятся явления.

– Так, барин. Животное не понимает, но опасается.

– А ты, старик?

– Я бью белку, барин. Зайца и оленя. Всё, что надобно мне разуместь – как слышать зверя и обрабатывать шкурки. Мои отец и дед жили так.

– Простые люди...

– Ваша правда, барин.

– Но простому мужику князь не подарил бы такую соба-

ку, – Межецкий улыбнулся. Красивый юноша – но Степан совсем не знал его, чтобы понять, был ли городской сын их соседа-помещика хорошим человеком.

– Фёдор Петрович всегда ко всем добр, – уклончиво сказал охотник.

Граф спешил и вытер запylённые носы сапог о мох. На земле он держался гораздо проще, чем в седле. Возможно, причиной была молодость: Межецкому шёл девятнадцатый год. Он задел сапогом лапу маленькой ели и полюбовался на капли росы, которые посыпались с иголок. К чёрному хрому прилипли нити рваной паутины. Лицо под котелком для верховой езды было ещё очень мальчишеским: острым, подвижным и интересующимся.

– Сегодня будет жарко, – с видом знатока сказал Межецкий.

Степан почесал Лапку за ухом. Борзая лизнула ладонь и, получив немое разрешение, потрусила обследовать коряги, бурелом и ёлки. Граф стоял на другом берегу узкого ручья, который легко мог бы перешагнуть, чтобы забраться по откосу вверх и поглазеть на путь, но не делал этого. Хотя путь явления и был границей между помещичьими землями соседей, лес по обе стороны считался общим.

– Когда-то было время, – Межецкий говорил серьёзно, нахмутив брови, как будто оставался лицеистом и отвечал учителю урок, – когда пути не существовало. Иначе лес не стремился бы вернуть положенное ему, прорастая травой и де-

ревьями там, где ходит явление. Чтобы сделать путь, такой длинный, потребовалось, должно быть, очень много сильных рубщиков, корчевателей и кузнецов. Странно, что, понимая всё это, никто до сих пор не знает, зачем нужны путь и явление.

Степан вздохнул.

– Я человек неучёный, барин.

Граф досадливо отмахнулся.

– Мой отец не знает! Лицейские профессора. Бургомистр. И князь Фёдор Петрович. Глупые бабы в деревне молят-ся, чтобы их дети родились «не под набат», считая рассветное время явления проклятым, что ли, глупые девки ворожат на суженого, оставляя на ночь на пути соломенных кукол. Дремучие суеверия – не ответ, не основа. Почему никто не пробовал остановить явление?

Степан вздохнул ещё раз.

– Оно... оно ведь как целое ваше поместье, барин. Только движется.

Межецкий перепрыгнул ручей, сжимая поводья в руке, и конь послушно перешёл за ним, взбив копытами воду.

– Расскажи, – граф попросил почти по-детски взволнованно.

– Большое. То есть огромное, барин. Движется. И всё.

Глядя в недовольное лицо, Степан развёл руками.

– Я видел издалека, сквозь листву. Явление рождает грохот и жар. Оно – как стены с окнами, и несётся быстрее табу-

на: не догонит ни борзая, ни лошадь. Иногда я нахожу у пути разнесённые в щепки стволы. Деревья падают на путь после бури, но явление не останавливают. Иногда – нахожу там же мёртвых зверей. Даже если бы и был обучен грамоте, всё равно не смог бы объяснить вам всего, барин.

– Пока этого хватит. Завтра я поднимусь ещё раньше, – Межецкий потянул коня прочь. Не к откосу – обратно, вдоль ручья, чтобы выбраться на лесную тропу. Лапка возилась в ельнике: вынюхала мышь. – Завтра, а сегодня... О! Верно, а сегодня же князь Фёдор Петрович ждёт нас с отцом к себе в гости. А ждёт ли Анна Фёдоровна? Князь очень хотел познакомить нас с ней.

– Должно быть, ждёт, барин, – Степан опять поклонился, прощаясь.

Он долго слушал воздух, в котором затихали звуки треска веток под копытами, потом свистнул Лапку. Странно, что граф ничего не спросил про лукошко, не пошутил про белок, которых Степан-де собрался сложить туда, будто грибы. Всё-таки городские – другие.

По правую сторону, на сухих сосновых взгорках, росла дикая земляника. Аннушка ей очень обрадуется.

Нянины руки казались сегодня задумчивыми. Касание за касанием, ласково, обыденной и тихой добротой они плели из тяжёлых волос косу – а затем, когда, закончив, подняли её и стали оборачивать на затылке, скрепляя ореховым

гребнем, всё стало ясным сразу, сопоставилось: папа ожидает гостей. Нет причины беспокоиться, нянюшка: просто соседский визит, граф Межецкий с сыном. Молодые люди, впрочем, бывают занудны и любят рассказы о гвардии, где непременно совершают подвиги, хотя, как известно, подвиг для дворянина-гвардейца уже – самостоятельно почистить своего коня скребком. Полдня скуки – не беда какая-нибудь.

– Повернись-ка, Аннушка.

Няня убрала от её лица прядки, заправила за уши, как маленькой. Морщинистое суховатое лицо на миг прорезало вспышкой печали. Аннушка вдруг испугалась.

– Няня!

– Поговори с Фёдором Петровичем, ласточка. Пока не приехали гости.

– Папа по утрам читает.

– Знаю, ласточка, знаю. Фёдор Петрович не любит, когда его беспокоят за книгой, но сегодня – нужно. Аннушка...

– С молодым Межецким нельзя обсуждать что-то, папы касающееся? Или про дом? Про книги? Папа бы предупредил заранее. Да и отчего бы... Няня, что случилось?

– А! Пусть я глупая старуха, Аннушка... Пусть так и окажется. Но не обо всем родитель может сказать своей дочери прямо. Поговори, посмотри, какой Фёдор Петрович: будет ли он выглядеть смущённо и неловко. Поговори... вот, о том, следует ли при Николае Дмитриевиче упоминать романы и поэзию. И мне расскажешь.

– А ты что, нянюшка?

Из-под двери свежо тянуло сквозняком: галерею проветривали.

– Пусть, ласточка, просто буду глупой старухой.

Дом лучился солнечными полосами, шелестел и хихикал. Поток воздуха облепил ноги тканью белого платья: ветер, залетевший в открытые рамы, пах разнотравьем. И лежащим за лугами лесом. Горничные с перьевыми метёлочками заулыбались Аннушке, и она обрадовалась, что никто из девушек не озадачен непонятным, как няня. Мраморная лестница за окнами спускалась в расчерченный на квадраты лужайек и кустарников парк. Позолоченный, с ещё по-раннему густыми тенями, парк был пустынен, и широкая аллея между ним и лестницей – тоже. Но к обеду подъедут верховые.

– Извольте позавтракать в беседке, Анна Фёдоровна? – экономка вышла из столовой. – Или здесь?

– Чуть позже, Эмма Генриховна. Когда спустится папа.

Стекла круглых очков экономки блеснули.

Библиотечный флигель хранил сонную тишину и покой. Выцветшая и уютная зелёная дорожка на полу рождала пыль, пляшущую в ярком свете. Круглое окошко князь не открывал – чтобы звуки не отвлекали от чтения. Полки из тёмного дерева множились лабиринтом: в детстве он казался величественным, но со временем стал просто узким и тесным. Запах старой и ломкой бумаги смешался с ароматом козьего крема, которым князь пользовался после бритья – в никогда

не запертую дверь библиотеки, тем не менее, стучали утром только по важному делу, отчего Фёдор Петрович взглянул на вошедшую Аннушку с долей тревоги. Он знал, что она не станет беспокоить его из-за пустяка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.